

МОЖЕТ ЛИ ВОЛЯ ЗАКАЗЧИКА ЯВЛЯТЬСЯ «КАТЕГОРИЧЕСКИМ ИМПЕРАТИВОМ» ПРИ ПЕРЕВОДЕ?

Хухуни Георгий Теймуразович

- e-mail: khukhuni@mail.ru
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация

Валуйцева Ирина Ивановна

- e-mail: irinaiv-v@yandex.ru
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация

Осипова Анна Александровна

- e-mail: aa.osipova@mpgu.su
доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой контрастивной лингвистики,
Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И., Осипова А. А. Может ли воля заказчика являться «категорическим императивом» при переводе? // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 23.01.2024
- Статья размещена на сайте 15.05.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Переводческая цензура: цель и риск](#)

[Заказчик всегда прав?](#)

[Лингвистическое переводоведение:](#)

[вопрос об «ограниченности»](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть концепции, провозглашающие следование «воле заказчика» важнейшим принципом межъязыкового перевода, и показать, что подобная установка означает, по существу, возвращение в замаскированной форме к практике цензурного искажения текста оригинала.

Процедура и методы. Проанализированы работы в области переводоведения за последние десятилетия, произведено сравнение высказываемых в них положений, относящихся к теме исследования, выявлены сходства и различия в позициях отдельных авторов по отношению к переводческим установкам и показана присущая им в ряде случаев близость с практикой государственной цензуры переводных текстов, имевшей место в прошлом.

Результаты. Обосновано положение о том, что выдвинутый в ряде концепций современного переводоведения тезис о монополии заказчика при определении содержания и формы переводного текста независимо от оригинала означает фактическую ликвидацию перевода как особой формы межъязыковой и межкультурной коммуникации и не может считаться оправданным ни с собственно лингвистической, ни с лингвокультурной точек зрения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Фактический материал и сформулированные на его основе положения и выводы позволяют прояснить дискуссионные моменты современного переводоведения, подтверждают важность и необходимость объективного подхода к принципам межъязыковой коммуникации и нецелесообразность отказа от понятийно-категориального аппарата, выработанного представителями лингвистического переводоведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

перевод, оригинал, лингвистический, переводоведение, скопос-теория, цензура, заказчик

ВВЕДЕНИЕ

Перевод используется во всех сферах человеческой деятельности, особенно он важен в области гуманитарных наук. Вопрос о том, допустимо ли при создании переводного текста видоизменять текст исходный, активно обсуждался уже с появлением первых теоретических размышлений о передаче

иноязычного оригинала, восходящих ещё к древнеримским авторам. Здесь мы не рассматриваем те неизбежные случаи, которые вызваны собственно языковыми причинами: например, отсутствием категории артикля в русском языке, различием в родовой принадлежности ряда лексических единиц в русском и немецком языках и т. п. Далее, если такое видоизменение допускается, должно ли оно ограничиваться только формально-стилистическими аспектами (упрощением / усложнением синтаксических конструкций при лингвистической возможности их воспроизведения, передачей поэтического произведения прозой либо заменой стихотворного размера на более подходящий и др.), или оно может касаться и содержательной стороны? Так, создатели подавляющего большинства произведений, рассматриваемых в истории античной литературы как переводные, допускали такое вмешательство, но при этом нередко делались оговорки, что сами они свои опыты от собственно переводов отделяют. Напомним автохарактеристику Цицерона – *non ut interpres, sed ut orator*, а словосочетание *fidus interpres* (верный переводчик) рассматривалось как синоним ремесленника, лишённого творческого воображения.

За истёкшие два с лишним тысячелетия на разных языках был создан весьма обширный корпус текстов, где отступления от подлинника (а нередко и фактически полный от него отход) мотивировались самыми различными причинами – эстетическими, культурными, собственным представлением о потребностях аудитории и т. д. Предметом нашей статьи являются те случаи, когда особенно ярко проявлялся *внешний* фактор, приводивший к такого рода «как бы переводам».

Если обратиться к ситуации последних десятилетий, чаще всего в этой связи упоминается фигура *заказчика* (индивидуального или коллективного), определяющего *цель*, которую должен реализовать нанятый им *переводчик*. Заметим, что в ряде случаев вопрос о том, насколько последний действительно им является, выглядит неоднозначно. Особое внимание к нему связывают обычно с именами двух, ныне покойных, немецких авторов – К. Райс и Х. Фермеера, чья работа “Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie” («Основы общей теории перевода») вышла в оригинале в 1984 г. [18], а широкую популярность она приобрела с появлением английского перевода, выполненного К. Норд [17], которая известна и как автор ряда исследований, модифицировавших исходную концепцию.

В трудах отечественных лингвистов книга К. Норд “Translating as a Purposeful Activity” («Перевод как целенаправленное действие») нашла отражение уже вскоре после её выхода [5; 14]. Однако наибольший интерес к ней начали проявлять в десятилетия нашего века. В этот период стали появляться переводы трудов зарубежных авторов, где данная теория затрагивалась в той или иной мере [9; 10]. Обращались к ней и отечественные учёные – как в целом разделявшие её положения [11; 12] (иногда с существенными оговорками [1]), так и настроенные к ней резко критически [13]. Правда, сама монография основоположников скопос-теории, насколько нам известно, на русский язык не была переведена.

Исследователи скопос-теории и подобных концепций позиционировали их как «смену парадигмы в теории перевода» [9, с. 74], но оставляли без внимания тот факт, что отдельные её положения обнаруживают сходство с теми подходами, которые имели место и ранее, в частности – с различными *цензурными* (в широком смысле слова) *ограничениями*. Целью настоящего исследования как раз и является освещение некоторых моментов указанного вопроса.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА: ЦЕЛЬ И РИСК¹

На первый взгляд, содержание данного раздела никак не связано с темой статьи. Действительно, создатели скопос-теории и их продолжатели представляют собой «демократическое» общество, пользующееся «свободой печати», которая независима от государственного контроля. Цензура, наоборот, по наиболее распространенному мнению, – это «система надзора ... организованная светской или духовной властью с целью борьбы против распространения идей и сведений, которые признаны недопустимыми или опасными»².

Характерно, что принятый в начале царствования Александра I Цензурный устав после перечисления в пункте 15 тех случаев, когда представленная рукопись подлежала беспорочному запрещению, и напоминания об ответственности цензора за его несоблюдение («Цензурный комитет и каждый цензор

¹ Из недавних работ, посвящённых истории духовной и светской цензуры в России, можно назвать статью А. И. Клишина [4].

² Бакун Д. Н. Цензура // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017: [сайт]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4674643 (дата обращения: 27.02.2024).

в особенности при рассматривании книг и сочинений наблюдает, чтобы ничего не было в оных противного закону божью, правлению, нравственности и личной чести какого-либо гражданина. Цензор, одобивший книгу или сочинение, противное сему предписанию, как нарушитель закона, подвергается ответственности») в пункте 21 содержал специальную оговорку: «Впрочем, цензура в запрещении печатания или пропуска книг и сочинений руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». При этом пункт 16 подчёркнуто заострял внимание на том обстоятельстве, что цензор не вправе навязывать автору конкретные решения по тем или иным спорным моментам: «Если цензор в доставленной ему рукописи найдёт некоторые места, противные означенному в предыдущем 15 пункте предписанию, то не делает сам собою никаких в оных поправок; но, означив таковые места, отсылает рукопись к издателю, дабы он сам переменял или исключил оные. По возвращении же исправленной таким образом рукописи цензор одобряет её к напечатанию»³.

В определённом отношении цензор в своём вмешательстве, «ограничивая чужой текст», теоретически менее свободен, поскольку должен руководствоваться соответствующими предписаниями и инструкциями. Однако сведение цензуры исключительно к деятельности официальных органов не может считаться исчерпывающим. В специальной литературе отмечалось, что именно «идея «ограничения чужого текста» является самой главной, центральной составляющей такого явления, как «цензура»» [3, с. 98]. В этом смысле «воля заказчика» (будь он частным лицом, той или иной корпорацией и т. п.), определяющего, какой цели должен соответствовать предъявляемый потребителю текст, представляет собой, по сути, такое же «вмешательство» в передачу исходного текста, как и действия представителя государственного контролирующего органа. Субъективный момент может проявляться у заказчика в большей

³ Устав о цензуре 1804 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина: [сайт]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13659> (дата обращения: 01.03.2024).

степени, чем у представителя государственной власти. В этой связи приведём несколько эпизодов из истории «собственно» цензуры (государственной / светской и духовной / церковной), относящихся к переводным текстам, и соотнесём их с тем, что есть в соответствующих концепциях.

Говоря о параллели «официальный цензор» / «заказчик», нельзя забывать о присущем им принципиальном различии. Цензор выступает от имени публичной или духовной власти и несёт ответственность (вплоть до административной) за своё вмешательство в представленную ему переводческую продукцию. Заказчик в значительной степени руководствуется потребностями рынка (как правило, заказ делается в расчёте на определённого потребителя) и в случае неверной постановки цели перед переводчиком может понести экономический и репутационный ущерб. Однако и в том и в другом случаях решающая роль оказывается принадлежащей «внешнему игроку», воля которого в конечном итоге будет определять процесс и результат передачи.

Заказчик – опять-таки теоретически – вправе устанавливать «правила игры» самостоятельно. Правда, на практике цензору приходилось сталкиваться с такими случаями, когда либо инструкция не давала прямого ответа, либо тот, от кого она исходила, мог счесть, что воспользовались его указаниями неправильно.

Так произошло, например, с одним из близких помощников Петра I (выступавшего нередко и в роли заказчика, и в роли редактора, и в функции цензора) в деле перевода иноязычных сочинений – епископом Гавриилом Бужинским. Цель была, на первый взгляд, весьма ясно сформулирована царём в предписании амстердамскому купцу Яну Тессингу, которому была дарована привилегия печатать, ввозить и осуществлять продажу переводной продукции в России: «показать Нам Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, службу свою и прилежное радение, чтоб те чертежи и книги напечатаны были к славе Нашему, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества превысокому имени и всему Российскому Нашему Царствию, меж Европейскими Монархи к цветущей наивящей похвале ... а понижения б Нашего Царскаго Величества превысокой чести и Государства наших в славе в тех чертежах и книгах не было» [2, с. 115]. Переводчик, явно желая соблюсти данное требование, взял на себя функцию цензора. При передаче книги С. Пу-

фендорфа, посвящённой истории европейских государств, на русский язык с латинского (в оригинале она была написана по-немецки) он исключил оттуда фрагмент, в котором автор нелестно отозвался о России, за что получил от царя весьма строгий выговор с требованием перевести книгу «так, как она в подлиннике есть», что и было им выполнено [8, с. 326].

В дальнейшем, при преемниках Петра, названный труд то запрещался, то вновь допускался до пользования. Значительно позже вышел уже перевод с оригинального немецкого текста, выполненный Б. Волковым, где неоднозначный фрагмент был сохранён, «но прибавлено примечание, что ныне русские уже не те, каким их описывал Пуффендорф. Такая уступка ... национальному самолюбию сделана ... позднейшими немецкими издателями труда Пуффендорфа» [8, с. 326].

Данный случай заставляет вспомнить историю, произошедшую почти два столетия спустя, о которой писал Э. Пим непосредственно в связи с характеристикой скопус-теории. Ссылаясь на Х. Фермеера и указывая на то, что «сохранение функции исходного текста ... возможно, требует наибольших изменений», он приводит такой пример: «Первые переводчики книги Гитлера на английский язык придерживались правых убеждений и учитывали совершенно иную читательскую аудиторию, а потому значительно смягчили риторику автора, в результате чего мистер Гитлер заговорил языком современного умеренного политика» [9, с. 80].

«Учёт читательской аудитории» (представлявший собой в целом фальсификацию текста, рассчитанную на тех, кто не знаком с оригиналом) привёл представителя этой самой аудитории фактически к той же реакции, с которой пришлось столкнуться Гавриилу Бужинскому. Обратимся к мемуарам И. М. Майского, бывшего в 30-е – начале 40-х гг. XX в. советским послом в Великобритании. Когда один из видных политических деятелей страны, являвшийся в годы Первой мировой войны премьер-министром, Д. Ллойд Джордж, ссылаясь на этот перевод, стал говорить об «умеренности» нацистского лидера, советский представитель заметил: «– Я читал “Мою борьбу” в подлиннике. Я пришлю вам точный перевод недостающих в английском издании страниц. Вы сами убедитесь.

Несколько дней спустя я исполнил своё обещание. Ллойд Джордж был ошеломлён и возмущён. Ошеломлён и возмущён (как он объяснил мне при нашем ближайшем свидании) даже

не столько содержанием изъятых страниц, сколько тем, что они были скрыты от английского читателя» [7].

Думается, что в обоих случаях наглядно демонстрируется основное уязвимое место скопос-теории и родственных ей концепций с их трактовкой смещения «акцента с исходного на переводной текст» [9, с. 80]. Обнаружив расхождения между ними, многие, если не большинство реципиентов поставят под сомнение претензию такого перевода выполнять, говоря словами В. Н. Комиссарова, функцию «служить полноправной коммуникативной заменой оригинала» [6, с. 44], а тем самым – и право подобного речевого произведения вообще считаться переводом.

Таким образом, выдвинутая создателями скопос-теории формулировка *“for translational action, we can say that ‘the end justifies the means’* [17, р. 90] (в переводческой деятельности цель оправдывает средства), не говоря уже о том, что в морально-нравственном плане она обычно воспринимается как не совсем однозначная, может привести к компрометации самой цели в глазах тех, для кого перевод и предназначен. Подчеркнём, что даже расположенные к скопос-теории и её вариациям исследователи охарактеризовали такую формулировку как «провокационную» [10, с. 163].

ЗАКАЗЧИК ВСЕГДА ПРАВ?

Бывший одним из наиболее резких и последовательных критиков скопос-теории Р. Р. Чайковский комментировал её следующим образом: «Во главу угла эта теория ставила желание заказчика видеть текст в удобоприемлемом для него виде вне зависимости от того, что авторский текст в себе несёт. Подчинение идеи примата исходного текста идее квазипервичности переводного текста, на наш взгляд, низводит перевод до положения услуги в сфере обслуживания с её принципом: “Чего изволите?”, или “Клиент всегда прав”» [13, с. 16].

При всей полемичности тона приведённого фрагмента, не совсем соответствующего академическому дискурсу, приходится признать, что суждение Р. Р. Чайковского вполне соответствует истине, поскольку результат процесса перевода всегда будет зависеть от поставленных целей, причём «скопосы» исходного и переводного текстов могут различаться: “There is no such thing as ‘the’ translation of a text; the results of the transla-

tion process will vary according to their *skopoi* ... the *skopos* of the *translatum* may be different from that of the source text" [17, pp. 90, 92]. Характерно, что практически аналогичную высказыванию Р. Р. Чайковского формулировку находим и в книге Э. Пима: «В рамках этой парадигмы переводчик не обязан следовать исходному тексту, за исключением случаев, когда это оговаривается как условие цели» [9, с. 75].

В реальности дело обстоит сложнее. Как показывает знакомство с продолжателями идей Райс-Фермеера, в частности К. Норд, в их работах 90-х гг. XX в. утверждается, что цель «определяется "по решению заказчика, а не по усмотрению переводчика", поэтому она оценивает "ошибку перевода" как невыполнение указаний заказчика», вследствие чего «последнее слово остаётся за заказчиком, а не за переводчиком» [9, с. 87]. Исходный текст и его автор здесь действительно оказываются «за кадром». С другой стороны, важная роль отводится принципу «лояльности намерениям автора», т. е. вводится своего рода «трёхсторонний пакт»: "translators, in their role as mediators between two cultures, have a special responsibility with regard to their partners, i. e. the source-text author, the client or commissioner of the translation, and the target-text receivers" [15]. При этом допускается, что в конечном итоге в роли суперарбитра (редактора / цензора) может оказаться как раз переводчик, которому удастся убедить в своей правоте все заинтересованные стороны: "If authors can be sure that translators will respect their communicative interests or intentions, they may even consent to any changes or adaptations needed to make the translation work in the target culture. And if clients or receivers can be sure that the translator will consider their communicative needs as well, they may even accept a translation that is different from what they had expected" [15]. Но при всех нюансах, характеризующих приведённые формулировки, принцип «выведения за скобки» исходного текста остаётся в силе. К. Норд говорит именно о *намерениях* (intentions) автора, но не о *конечном результате* его труда, противопоставляя понятие *лояльности* понятию *верности* (fidelity) *оригиналу*. Она утверждает, что первая как межличностная категория, отражающая отношение между людьми, может заменить традиционную верность, относящуюся якобы исключительно к лингвостилистическому сходству между исходным и переводным текстами безотносительно коммуникативных намерений и / или ожиданий: "As an interpersonal category referring

to a social relationship between people ... loyalty may replace the traditional intertextual relationship of 'fidelity', a concept that usually refers to a linguistic or stylistic similarity between the source and the target texts, regardless of the communicative intentions and/or expectations involved" [15].

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: ВОПРОС ОБ «ОГРАНИЧЕННОСТИ»

При рассмотрении взглядов, характеризующих представителей скопос-теории, обращает на себя внимание одна существенная черта – весьма сдержанное (а в большинстве случаев отрицательное) отношение к лингвистическому переводоведению и к его понятийно-критическому аппарату, в первую очередь – к категории эквивалентности, которая либо ставится в неравноправное положение к адекватности, либо вообще элиминируется.

Подробное рассмотрение данного вопроса не входит в задачи настоящей статьи. Однако суть этого неприятия была чётко сформулирована К. Норд – "linguistic approaches focused on the source text" [16, p. 7]. Категория эквивалентности (отвлекаемся сейчас от тех или иных различий в её понимании) представляет собой именно «соотношение между первичным и вторичным текстами (или их сегментами)», причём с точки зрения лингвистического переводоведения «критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика» [14, с. 95–96]. Отсюда следует понятное стремление приверженцев скопос-теории принизить её значимость или отказаться от неё. К этому обычно присоединялись и утверждения об «ограниченности» лингвистического подхода, якобы сосредотачивающего внимание исключительно на языковой стороне: «Пока текст анализируется в терминах эквивалентности, переводчик остаётся более или менее в рамках лингвистики. Но необходимость выбирать между различными целями требует выхода за пределы лингвистики...» [9, с. 81].

Думается, что такое суждение вряд ли можно признать справедливым. Начиная с деятельности основоположника лингвистического переводоведения А. В. Фёдорова и продолжая работами таких корифеев лингвистического переводоведения, как Л. С. Бархударов, А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров,

Л. Л. Нелюбин и др., немало внимания уделялось и таким моментам, как внеязыковая действительность, фоновая информация, понятие макроконтекста и т. п. Но при этом сохранял своё значение принцип: «тот факт, что перевод является речевой деятельностью, сам по себе предопределяет центральную роль языка в процессе перевода» [14, с. 52]. И именно лингвистическое переводоведение выработало систему понятий, терминов и приёмов, позволивших придать рассуждениям о переводе научный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о допустимости вмешательства в исходный текст и возможности его изменения, обсуждавшийся с давних времён, после появления в конце XX в. скопос-теории стал рассматриваться с точки зрения поставленной заказчиком цели. При этом не всегда обращалось внимание на то обстоятельство, что вызванное таким подходом изменение текста нередко напоминает цензурное вмешательство. Основное отличие от него в том, что цензура носит административный характер, осуществляется от имени духовной или светской власти. Перевод согласно требованиям заказчика в конечном итоге обуславливается рыночными соображениями, причём нередко в этом случае степень вмешательства в исходный текст оказывается сильнее. Конкретные изменения, вносимые в переводимый текст, мотивируются обычно учётом потребностей аудитории, на которую он рассчитан, что, однако, не всегда приводит к желаемому результату. Вместе с тем признание за заказчиком решающей роли при определении качества перевода и соответствия его поставленной цели может сочетаться с требованием соблюдать лояльность автору и допустимостью таких случаев, когда окончательное решение оказывается за переводчиком. Принижение и даже отрицание роли исходного текста обуславливает и попытки существенно ограничить использование понятия эквивалентности или даже полностью отказаться от него, в связи с чем лингвистическое переводоведение подвергается критике за якобы свойственное ему ограничение исключительно языковым аспектом. Подобная критика представляется в целом лишённой основания как в силу того, что в трудах большинства его представителей уделяется большое внимание экстралингвистическим моментам, так и потому, что

именно в лингвистическом переводоведении была выработана система понятий, благодаря которым стал возможным объективный подход к изучению процесса и результата перевода, опирающийся на научные принципы. Представленный в данной статье материал видится полезным как для решения ряда актуальных вопросов современного переводоведения, так и для использования в практике преподавания теории и практики перевода в соответствующих учебных курсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с.
2. Зарецкий Ю. П. Царская сделка голландского купца. В Городском архиве Амстердама обнаружена подлинная жалованная грамота Петра Первого // Родина. 2022. № 5. С. 112–115.
3. Зеленев М. В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 94–103.
4. Клишин А. И. Практика перевода и цензура // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5. С. 151–154.
5. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 192 с.
7. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. Ташкент: Узбекистан, 1980. 672 с.
8. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России. Т. 1. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862. 578 с.
9. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении / пер. с англ. Т. А. Казаковой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. 255 с.
10. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / пер. с нем. О. Боковой, О. Кашкиной, С. Семочко, С. Архипова, В. Шубина. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
11. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 464 с.
12. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный аль-

манах: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Серия: Лингвистика, Москва, 24–22 июня 2022 г. / под ред. Н. В. Иванова. М.: Военный университет, 2022. С. 60–75.

13. Чайковский Р. Р. Свет и тени российского переводоведения // Вестник Московского государственного университета. Серия 22: Теория перевода. 2016. № 4. С. 5–25.
14. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
15. Nord Chr. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.net/doc/8427409/loyalty-and-fidelity-in-specialized-translation> (дата обращения: 02.02.2024).
16. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London; New York: Routledge, 2018. 153 p.
17. Reiss K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translation. Skopos Theory Explained. London; New York: Routledge, 2014. 221 p.
18. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984. 245 S.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Georgy T. Khukhuni

- e-mail: khukhuni@mail.ru
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics,
Federal State University of Education
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region,
Russian Federation

Irina I. Valuytseva

- e-mail: irinaiv-v@yandex.ru
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language,
English Studies and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics,
Federal State University of Education
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region,
Russian Federation

Anna A. Osipova

- e-mail: aa.osipova@mpgu.su
Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head,
Department of Contrastive Linguistics,
Moscow Pedagogical State University
ul. Malaya Pirogovskaya 1, str. 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

khukhuni G. T., Valuytseva I. I., Osipova A. A. Can the customer's will be the "categorical imperative"? In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To consider the concepts proclaiming adherence to the "will of the customer" as the most important principle of interlanguage translation, and to show that such an attitude means, in essence, a return in disguise to the practice of censorship distortion of the original text.

Methodology. The works in the field of translation studies over the past decades have been analyzed, the provisions related to the research topic

expressed in them have been compared, similarities and differences in the positions of individual authors in relation to translation attitudes have been revealed, and their inherent proximity in some cases to the practice of state censorship of translated texts that took place in the past has been shown.

Results. The article substantiates the position that the thesis put forward in a number of concepts of modern translation studies about the monopoly of the customer in determining the content and form of a translated text, regardless of the original, means the actual elimination of translation as a special form of interlanguage and intercultural communication and cannot be considered justified either from the linguistic or linguistic-cultural point of view.

Research implications. The factual material and the provisions and conclusions drawn on its basis make it possible to clarify the controversial points of modern translation studies, confirm the importance and necessity of an objective approach to the principles of interlanguage communication and the inexpediency of abandoning the conceptual and categorical apparatus developed by representatives of linguistic translation studies.

Keywords

translation, original, linguistic, translation studies, skopos theory, censorship, customer

References

1. Desnitskii A. S. *Sovremennyi bibleiskii perevod: teoriya i metodologiya* [Modern Bible translation: theory and practice]. Moscow, PSTGU Publ., 2015. 432 p.
2. Zaretskii Yu. P. [The Charter of Peter the 1st is found in the City Archive of Amsterdam]. In: *Rodina* [Motherland], 2022, no. 5, pp. 112–115.
3. Zelenov M. V. [Censorship: approaches to the definition]. In: *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad legal journal], 2013, no. 1, pp. 94–103.
4. Klishin A. I. [Practice of translation and censorship]. In: *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg Economic University], 2019, no. 5, pp. 151–154.
5. Komissarov V. N. *Obshchaya teoriya perevoda. Problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnykh uchenykh* [General theory of translation. The Problems of translation theory in the works of foreign scientists]. Moscow, CheRo Publ., 1999. 136 p.
6. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern theory of translation]. Moscow, ETS Publ., 2000, 192 p.

7. Maiskii I. M. *Vospominaniya sovetskogo diplomata, 1925–1945 gg.* [Memoires of Soviet diplomat, 1925–1945]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1980. 672 p.
8. Pekarskii P. P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom. Vvedenie v istoriyu prosveshcheniya v Rossii. T. 1* [Science and literature in Russia under Peter the Great. Introduction to the history of education in Russia. Vol. 1]. St. Petersburg, Izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za» Publ., 1862. 578 p.
9. Pym A. Exploring translation theories (Rus. ed.: Kazakova T. A., transl. *Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2018. 255 p.).
10. Prunch E. Entwicklungswege der westlichen Übersetzungswissenschaft. Von der sprachlichen Asymmetrie zur politischen (Rus. ed.: Bokova O., Kashkina O., Semochko S., Arkhipov S., Shubin V., transl. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoï asimmetrii k politicheskoi*. Moscow, R. Valent Publ., 2015. 512 p.).
11. Sdobnikov V. V. *Perevod i kommunikativnaya situatsiya* [Translation and communicative situation]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2015. 464 p.
12. Sdobnikov V. V. [Reconsideration of the categories of translation theory – reconsideration of translation]. In: Ivanov N. V., ed. *Voennogumanitarnyi al'manakh: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam yazyka i kommunikatsii. Seriya: Lingvistika, Moskva, 24–22 iyunya 2022 g.* [Military-humanitarian almanac: materials of the XVI International Scientific Conference on Current Problems of Language and Communication. Series: Linguistics, Moscow, June 24–22, 2022]. Moscow, Voenniy universitet Publ., 2022, pp. 60–75.
13. Chaykovskiy R. R. [Light and shadows of modern translation studies in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* [Lomonosov Translation Studies Journal. Series 22: Translation Studies], 2016, no. 4, pp. 5–25.
14. Shveitser A. D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p.
15. Nord Chr. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation. Available at: <https://studylib.net/doc/8427409/loyalty-and-fidelity-in-specialized-translation> (accessed: 02.02.2024).
16. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London, New York, Routledge, 2018. 153 p.
17. Reiss K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translation. Skopos Theory Explained. London, New York, Routledge, 2014. 221 p.
18. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, Niemeyer, 1984. 245 S.